

Линь Гофэн самодовольно ухмыльнулся, а затем сделал такое движение, от которого все вокруг едва не бросились его лупить: он просто пожал плечами, развел руками и заявил:

— А я не знаю.

Даже обладавший железной выдержкой Безумец Тан к этому моменту уже сжал кулаки так, что суставы затрещали. Было очевидно, что его несчастный веер давно превратился в бесформенный комок, в котором не осталось и следа прежней изысканности.

Линь Гофэн вдруг почувствовал легкую боль в пояснице — какая-то нежная, мягкая ручка яростно щипала его. Обернувшись вправо, Линь Гофэн увидел, как Цзинь Яньцзы торопливо отдернула руку и неловко улыбнулась. От этой улыбки, способной покорить целые города, Линь Гофэн на мгновение остолбенел.

— Кхе-мхм! — Лю Дунбинь и Мастер Майтрея почти одновременно прокашлялись. — Эм-м... Послушайте, дорогой ученик, не пора ли нам сначала разобраться с нынешней угрозой, а уже потом предаваться романтике?!

Линь Гофэн густо покраснел и тут же предложил:

— Учитель, быть может, нам прокопать ход в слое земли под этой статуей и выбраться наружу? Я слышал, что Пустынные муравьи-воины не мастера рыть норы. Сейчас мы можем использовать силу этого загадочного изваяния, чтобы не дать им до нас добраться. Если не бежать сейчас, то когда же?

Услышав это, трое бессмертных во главе с Лю Дунбином не стали медлить. Каждый из них пустил в ход свои уникальные чары и боевые приемы, нанося удары в одно и то же место — точь-в-точь как накануне, когда они пробивали песчаный колодец. Однако на сей раз всё пошло наперекосяк: они почувствовали, что ни истинная ци, ни божественная энергия не собираются в теле. Все трое бессмертных теперь выглядели совершенно как обычные смертные: у кого было оружие — копал оружием, у кого не было — копал руками. От былого величия великих мастеров-наставников не осталось и следа. Линь Гофэну и его спутникам стало неловко просто стоять в стороне, и они тоже присоединились к раскопкам.

Одна минута... пять минут... целый час...

Линь Гофэну казалось, что его пальцы истыканы тысячами иголок и больше не могут вонзиться в землю — и это еще при том, что их защищала истинная ци! Поглядев на Безумца Тана, чья сила уступала его собственной, Линь Гофэн увидел, что руки того сплошь покрыты кровавыми царапинами. Цзинь Яньцзы же приходилось еще хуже: ее некогда нежные и белоснежные ручки от тяжелой работы растеряли и малейший намек на присущее им порочное очарование. Глядя на это, Линь Гофэн испытывал глубокую жалость.

В этот момент Линь Гофэн внезапно вспомнил про Цзиньгубан, который и привел его в это

пространство. Его глаза засияли, и он мысленно выругал себя за глупость: как он мог забыть про этот способный пронзять небеса и уходить под землю, способный удлиняться и укорачиваться, расширяться и сужаться посох, успокаивающий Хаос! Ведь это же то самое божественное оружие, которым в легендах пользовался сам Сунь Укун!

Не откладывая дело в долгий ящик, Линь Гофэн прямо подошел к прислоненному к статуе Цзиньгубану и, вспомнив сцены из Путешествия на Запад, мысленно пробормотал заклинание:

— Больше, больше, больше...

Цзиньгубан оставался тем же Цзиньгубаном — ни больше, ни меньше. Линь Гофэн почувствовал себя крайне неловко, отчаянный пот градом катился с его лба. Лихорадочно вспоминая детали из книги, он пришел к выводу, что наверняка упустил что-то важное.

— Вода! Точно, дело в воде!

Будь то в бытность посоха во Дворце Царя Драконов Восточного моря или позже, в руках Сунь Укуна, этот чудесный Цзиньгубан всегда слушался беспрекословно. Линь Гофэн решил, что вся загвоздка в воде — да кто поручится, что эта паршивая обезьяна не потела!

Подумав так, Линь Гофэн левой рукой утер пот со лба, крепко ухватился за Цзиньгубан, затем правой рукой утер пот и снова вцепился в него, после чего сосредоточился и мысленно повторил: Расти, расти, расти.

На сей раз Цзиньгубан действительно, как и желал Линь Гофэн, начал стремительно увеличиваться в размерах. Закинув на плечо огромный Цзиньгубан (около десятка метров в длину и полметра в диаметре), Линь Гофэн подбежал к песчаной яме, которую они безуспешно копали целый час.

— Бах! — Линь Гофэн со всей мочи вонзил Цзиньгубан в отверстие. Из десятка метров длины наружу в мгновение ока торчал лишь один метр, но эта глубина намного превосходила всё, чего они добились за час упорных раскопок.

Раз удар. Два, три...

Яма становилась все глубже. Прошел еще час. Полусферический купол, сквозь который прежде пробивался слабый лучик света, теперь был сплошь усеян муравьями. Внутри купола воцарилась непроглядная тьма, и если бы статуя не излучала тусклый серебристый свет, Линь Гофэн и вовсе решил бы, что ослеп.

Именно в этой абсолютной темноте все наконец разглядели истинную уникальность статуи — вот почему в предыдущие два дня никто не замечал ее странностей.

Линь Гофэн продолжал твердить про себя: Раста. И хотя снаружи, у входа в дыру, оставался едва ли метр посоха, каждый прекрасно понимал, что сейчас уходящая вглубь часть Цзиньгубана насчитывает никак не меньше тысячи метров. Внезапно посох тяжело качнулся, давление, давившее на верхний конец, пропало, и вся тяжесть огромного шеста легла на плечи одного лишь Линь Гофэна. Посох просто утянул его за собой в дыру.

Хотя Лю Дунбинь заметил это странное движение и даже протянул руку, чтобы схватить Линь Гофэна за воротник сзади, он опоздал на мгновение. Видя, как его любимый ученик исчезает в норе, Лю Дунбинь, не раздумывая, прыгнул следом. За ним тут же последовал Лань Цайхэ и Мастер Майтрея. Тан Юй, хоть и был потрясен, среагировал мгновенно и бросился за ними троими. Цзинь Яньцзы немного помедлила: оглядевшись и не увидя вокруг никого, кроме себя, она сжала волю в кулак и тоже сиганула в провал.

...

— А-а — бах! — А-а — шмяк!

— А-а — бах! — А-а — шмяк!

— А-а — бах! — А-а — шмяк! — А-а — бах! — А-а — шмяк!

Линь Гофэну нестерпимо хотелось разразиться трехэтажным матом. Яма была глубиной по меньшей мере в сто метров, и если бы он вовремя не заставил Цзиньгубан расшириться, чтобы затормозить падение, от него наверняка осталась бы лепешка из фарша. Но какого черта за ним прыгнули остальные?! Пространство в норе было узким — неужели нельзя было подождать, пока он приземлится и откатится в сторону, прежде чем самим сигать вниз?!

Линь Гофэн чувствовал, как всё тело ломит от усталости, а чье-то старое колено впилося прямо ему в спину, причиняя дикую боль. И ладно бы один раз — так сверху прилетело еще четверо подряд! Задние приняли его за какую-то мягкую подстилку! Линь Гофэн хотел выругаться, но из груди не вырывалось ни звука, и он на сто процентов был уверен, что заработал тяжелейшие внутренние травмы (на самом деле он просто сам себя накручивал — разве бессмертным не ведомо искусство «Легкого падения»!).

Лю Дунбинь в этот момент тоже не мог разлепить глаз. Тот, кто прыгнул следом за ним, определенно питал к нему смертную обиду — надо же было приземлиться так, чтобы впечатать локоть прямо ему в спину! Если бы не статус бессмертного, от такого падения с сотни метров он бы наверняка отдал концы или остался калекой на всю жизнь!

Лань Цайхэ тоже пребывала в глубокой меланхолии. Прыгая следом за Лю Дунбином, она самую малость замешкалась, но в голове у нее уже промелькнула мысль, что кто-то обязательно смягчит падение на дне этой ямы. К тому же среди Восьми Бессмертных только они двое в свободное время любили упражняться в боевых искусствах. Чаще всего, когда она побеждала, то заставляла Лю Дунбина пить с ней до тех пор, пока он не напивался в стельку. Люй, правда, тоже пил, но он умел использовать пьяный стиль кулачного боя, а она — нет!

Напоив ее, он неизменно требовал реванша — разве могла она после этого снова одержать победу?! Так что, прыгая вниз, она руководствовалась двоякими соображениями: с одной стороны, переживала за безопасность Линь Гофэна, с другой — надеялась при удобном случае исподтишка отплатить Лю Дунбиню. Однако этот шедший следом пузатый увалень чуть было не впечатал ее обратно в смертное состояние — этот Майтрея весил ровно столько, сколько гласила его репутация: тяжело и солидно...

<http://bllate.org/book/21109/2142459>